

Российская Академия Наук
Институт философии

**ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Учебное пособие

ББК 87.3
И-90

Ответственный редактор
доктор филос. наук *Н.В.Мотрошилова*

Рецензенты:
доктор филос. наук *И.С.Глазман*
доктор филос. наук *В.Г.Федотова*

И-90 **История западноевропейской философии: Учебное пособие.** — М. — 204 с.

Книга посвящена важнейшим учениям и выдающимся мыслителям западноевропейской философии, взятой в ее развитии от античных первоисточков до XIX века. Она представляет собой учебное пособие, в котором сделана попытка освободиться от идеологических стереотипов и догматических штампов, воссоздав историю философской мысли как объективный процесс мыслительного творчества, укорененный в истории жизнедеятельности и культуры человечества и вместе с тем сохраняющий свое непреходящее значение для современности. Историко-философский анализ нацелен на то, чтобы помочь изучающим философию в самостоятельном освоении классических философских текстов. Авторы основываются на достижениях и дискуссиях мировой историко-философской науки.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

Н.В. Мотрошилова

I. Особое значение истории философии в развитии философии

1. История философии – неиссякаемый источник новаторства в философии

История философии играет в развитии философии центральную роль, несравнимую со значением истории для других областей человеческого духа, творческой деятельности. Никак не принимая роль истории естествознания, математики, вообще истории науки в новаторском развитии естественных и математических наук или роль искусствознания в развитии искусства, можно все-таки утверждать, что открытия в науках и шедевры искусства редко напрямую связаны с основательным изучением и осмыслением истории данных сфер деятельности. Между тем всё более или менее значительное в философии возникает не иначе, чем через сознательное и достаточно полное освоение мыслителями разных времен, регионов, стран, народов (доступной им в каждый данный момент) истории философии. Знание истории философии, выработка отношения к ней – необходимая предпосылка любого новаторского философского учения, любого значительного вклада в развитие философской мысли. Вот почему оправданно утверждать, что с тех древнейших времен, когда вообще появились первые опыты исторического самоописания и самоанализа философии, и до наших дней история философии была и остается источником, питающим новаторство в философии. Этот тезис можно считать выражением общей закономерности, которой объективно подвластен целостный процесс исторически развертывающегося философствования человечества. Однако историк

философии, на разном материале раскрывая глубину и плодотворность неразрывной связи между философией и ее историей, не имеет права отвлекаться от трудностей, противоречий, сомнений.

Так, подмечая только что зафиксированное различие между значимостью истории для философии, с одной стороны, и естествознания, техники, искусства, с другой стороны, не следует доводить это различие до прямого противопоставления и трактовать дело так, будто естествоиспытатели, скажем, вообще равнодушны к историческим проблемам или невежественны в отношении истории своих дисциплин. Не случайно великие повороты в естествознании, как и в искусстве, связаны с тем, что кто-то из крупнейших ученых или художников вникает в историю науки, искусства, культуры, осмысливает отношение традиционного и современного. С другой же стороны, как раз в философии не всеми и не всегда признавалось действие закономерности, о которой мы здесь ведем речь. К этому мы подойдем позже. Но прежде всего — о той категории философов, которые не просто реально действовали соответственно объективной закономерности, выражающей взаимосвязь новаторского развития философии и освоения ее истории, но и высвечивали, осваивали, отстаивали саму эту закономерность.

2. Великие мыслители как историки философии

В учениях целого ряда крупнейших философов прошлого история философии непременно составляла и составляет интегральную часть философии как таковой. Уже в древности — вскоре после того, как накопился достаточно солидный массив философских знаний, идей, произведений — появились первые попытки «философской саморефлексии», то есть первые историко-философские размышления, а потом и сочинения. Историко-философские экскурсы есть уже у досократиков и Платона. Но наиболее основательную историю философии можно найти у Аристотеля¹. Образец специального историко-философского сочинения — это, например, работа Диогена Лаэртия «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»².

В дальнейшем многие выдающиеся философы, разрабатывая собственные концепции, считали необходимым включать в них историко-философские разделы, писать специальные историко-философские сочинения. В качестве примера можно приве-

сти, скажем, историко-философскую концепцию Гегеля (выраженную в его «Науке логики» и «Лекциях по истории философии» — не забывая, однако, что последние лишь отчасти включают рукописи Гегеля, ибо относятся к числу «вторичных», то есть не самим Гегелем написанных и опубликованных текстов). Другие, более современные примеры — «История западноевропейской философии» Б.Рассела или «Великие философы» К.Ясперса.

В отечественной мысли тоже имеются впечатляющие образцы взаимодействия между новаторским философским творчеством и историко-философской работой. Так, В.С.Соловьев известен и своими оригинальными философскими идеями, и блестящими историко-философскими работами, которые посвящены философии России, Запада, Востока.

Вряд ли нуждается в особом доказательстве тот факт, что глубиной и оригинальностью своей мысли Платон, Аристотель, Гегель, Рассел, Ясперс или Хайдеггер были в значительной степени обязаны фундаментальному знанию и освоению сделанного в философии их предшественниками. Впрочем, включенность историко-философских концепций в новаторские философские системы порождает не одни лишь благотворные последствия. Некоторым философам, хорошо осведомленным в истории мысли, с трудом давался переход к самостоятельным концепциям даже в случаях, когда такие концепции уже были созданы. Например, великий и оригинальный мыслитель Лейбниц предпочитал высказывать свои новаторские идеи в сочинениях, не просто связанных с философией Декарта или Локка, но и напрямую отнесенных к проблематике и даже конкретной систематике предшествующих философских учений. Так построены лейбницевские «Новые опыты о человеческом разумении», шаг за шагом оппонирующие «Опыту о человеческом разумении» Локка. Это оказывало определенное негативное воздействие на форму сообщения лейбницевских идей, но одновременно способствовало оживлению картезианства, лейбницианства, Спинозизма, превращению их в живительные источники размышлений о природе, человеке, обществе.

Другие выдающиеся философы, напротив, прямо и определенно подчиняли историю философии целям построения самостоятельных учений и концепций. Примеры — Гегель или Рассел. Системность, историзм, диалектика категорий — ценные качества и философии Гегеля в целом, и его историко-философского подхода. Системная новаторская мысль в целом и история фило-

софии как часть, измерение системы оплодотворяли друг друга. Однако в этом «союзе» история философии не могла не испытать некоторые негативные воздействия, обусловленные такими недостатками системы Гегеля в целом, как телеологизм, жесткий логицизм, прогрессизм в понимании истории. Главным для Гегеля становился не объективный смысл того или иного философского учения прошлого, а его строго predetermined «место» на восходящей «лестнице духа». И все-таки даже при таком подходе — когда во главу угла ставился принцип, а не эмпирический историко-философский материал — истории философии сообщались ценные теоретико-методологические импульсы.

3. Понимание истории философии как второстепенного элемента философствования

И все же немало выдающихся мыслителей прошлого, всей своей деятельностью объективно подтверждавших установленную ранее закономерность неразрывной взаимосвязи истории философии и новаторского философствования, в своей конкретной работе особым образом распределяли и распределяют внимание между непосредственно историческим и позитивно-проблемным способами философствования — несомненно в пользу второго. Правда, бывает, что на этот путь они становятся не сразу. Характерно различие между докритическим и критическим периодами развития Канта. В ряде работ докритического периода мысль Канта еще прочно привязана к философским и естественнонаучным концепциям предшественников и современников — Декарта, Лейбница, Ньютона. Но все более определенно на передний план выступает самостоятельное философствование, а историко-философские экскурсы начинают занимать скромное место, определяемое проблемным строем и логикой изложения.

Кант критического периода на первое место ставит «критику самой способности чистого разума», усматривая в ней «надежный критерий для оценки старых и новых сочинений по этому предмету», то есть для «философской истории философии», которая должна строиться не «эмпирически-исторически», а на основе разума, или, согласно кантовской терминологии, априорно. Мыслителем, в чьих сочинениях история философии не занимала видного места, был и великий Декарт.

И все-таки ошибется тот, кто упустит из виду глубочайшую объективную, пусть не всегда явно выраженную, укорененность и такого типа философствования в истории философской мысли. Впрочем, Декарт и Кант всегда воздавали должное историко-философским знаниям, особенно если их принимать и осваивать критически, самостоятельно, творчески. Но у истории философии всегда были и до сих пор имеются яростные противники. Не принять в расчет их доводы и аргументы было бы со стороны истории философии большим просчетом.

4. Негативное отношение к истории философии

Негативное отношение к истории философии – вплоть до категорического отрицания ее значения для науки и самой философии – началось не в наши дни. Еще Гегель, разбирая «обычные представления об истории философии», говорит о тех воображаемых оппонентах, которые «называют историю философии галереей нелепиц или, по крайней мере, заблуждений, высказанных людьми, углубившимися в мышление и в голые понятия». Гегель добавляет, что порою такие суждения высказывают не только невежды, не знающие и не желающие знать историю философии, но и люди, «которые сами пишут или написали историю философии». Если оставить в стороне аргументы «от историко-философского невежества» (когда историю философии отвергают просто потому, что не знают её, да и не хотят знать), то наибольший интерес для разбора может представить позитивистская критика философских учений прошлого как «метафизических», не выдерживающих проверки (верификации) с точки зрения современных критериев научности знания и познания.

Отношение к философии прошлого как варианту теологической метафизики роднит основателей позитивизма (например, О.Конта), классиков современного позитивизма (например, Р.Карнапа или М.Шлика – но не Витгенштейна или Рассела) и новейших его представителей. В качестве сравнительно недавнего примера можно привести полемику, отраженную в книге «Doing Philosophy Historically»³. Один из авторов (R.Luthe), формулируя суть довольно распространенного и в наши дни «скептического» подхода к истории философии, пишет: «Можем ли мы чему-то

научиться, занимаясь философией в историческом плане? И вот особый сорт скептицизма, который поможет заострить наши идеи: зачем попусту тратить наше время на историю учений философов, которые противоречат друг другу — вместо того, чтобы решать наши собственные проблемы, вне зависимости от того, что о них думали другие?»⁴. Как пример нигилизма по отношению к истории философии берется позиция известного современного философа аналитического направления А.Макинтайра, доводы которого состоят в следующем: «коммуникация» философии сегодняшнего дня с философией прошлого невозможна, ибо эти два вида философии радикально отличаются друг от друга; вследствие этого мы стоим перед опасностью либо погрузиться в историю философии, не решая современных проблем, либо при решении современных проблем «подгонять» историю философии к нашим решениям. Вывод: история философии либо должна превратиться в сумму «музейных экспонатов», либо подвергнуться кардинальному осовремениванию, т.е. изменению⁵.

Позитивистская концепция, имеющая критическую направленность, немало дает для самокритики философии, для прояснения ее понятий и категорий. Вместе с тем оценивать значение истории философии, как и философии в целом, только в свете (подогнанных лишь к естествознанию и математике) современных критериев научности — значит упускать из виду цивилизационно-культурную роль философского познания, а также непреходящую роль размышлений философов прошлого для отыскания философской истины.

Теперь мы подошли к вопросу, с давних времен служившему предметом спора и столкновения различных подходов к истории философии: *существует ли философская истина и если существует, то какое отношение к ней имеет история философии?*

II. История философии и философская истина

Гегель говорил (в Лекциях по истории философии) о внутреннем противоречии истории философии. С одной стороны, философия хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель — истина. С другой стороны, история философии излага-

ет учения, сменявшие и даже вытеснявшие друг друга, изображает «минувшие образы познания». Разрешимо ли это противоречие и если разрешимо, то каким образом? Фейербах в своей «Истории философии»⁶ так определил суть гегелевского и своего подхода: «История философии отнюдь не является историей случайных субъективных мыслей, то есть историей отдельных *мнений*... Различие систем имеет свое основание в самой идее истины; история философии является не чем иным, как временной экспозицией различных определений, которые вместе составляют содержание самой истины. Истинная, объективная категория, в которой она должна рассматриваться, есть идея *развития*... История философии поэтому имеет дело не с прошедшим, а с *настоящим*, сегодня еще живущим».

Спор по этим вопросам продолжается и сегодня. В упомянутой ранее книге «Doing Philosophy Historically» документирован спор между известным современным философом Дж.Беннетом и историком философии Д.Гарбером. Пример Дж.Беннета характерен в том отношении, что он, философ аналитического направления, продолжая традиции Рассела, стал и виднейшим историком философии, написав ряд работ о Спинозе⁷. Историко-философская позиция Беннета: не биография Спинозы в центре внимания, а сама истина. Из истории философии мы можем и должны учиться тому, что и сегодня, после многократных проверок, может считаться истиной. Д.Гарбер возражает: во-первых, в истории философии собраны не только истины, но и заблуждения; во-вторых, история философии — всегда лишь историко-философская реконструкция; в-третьих, важны не столько ответы на «вечные» вопросы, сколько сами эти вопросы, коренные для философии. Дж.Беннет отвечает: да, заблуждения в философии прошлого существуют, и они тоже могут быть предметом интереса; однако главное для истории философии — истина и путь, к ней ведущий.

В полемике по указанному вопросу (одновременно поясняющему понятие «философской истины») целесообразно принять в расчет экзистенциально-персоналистский подход, в соответствии с которым преимущество отдается персонально-личностному овладению философской и, соответственно, историко-философской истиной, не в ущерб (К.Ясперс) или даже в ущерб (Н.Бердяев) историко-философскому историзму. Позиция Кьеркегора:

истина в философии – то, ради чего индивиду, ее разделяющему или борющемуся за нее, стоит жить или умереть. Взгляд Ясперса: философская истина – предмет глубокого личностного освоения, «философской веры». Этой истине нельзя изменить, она неотчуждаема от бытия, от ума и сердца личности (пример – отношение Дж.Бруно к разделяемым им истинам о множестве миров, об истинности учения Коперника). Н.Бердяев: «Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями, то есть познавая из человека, а не из предмета, познавая в духе, а не в объектной природе... Историзм, в котором память непомерно перегружена и отяжелена и все превращено в чуждый объект, есть декаданс и гибель философии, так же как натурализм и психологизм» («О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»).

Вопрос о соотношении философии и истории философии, в частности, о соотношении философской истины и историко-философского исследования, как бы он ни был важен, имеет, скорее, внутрифилософское значение. Более фундаментальное значение принадлежит проблемам, исследование которых ставит историю философии в общую связь с развитием цивилизации и культуры человечества.

III. О роли истории философии в развитии культуры

С тех пор, как на заре человеческой цивилизации возникла философия – причем возникла на фундаменте появившихся ранее ее областей культуры (мифологии и религии, обыденного сознания, например, в виде нравов, традиций, устоев жизни того или иного народа, литературы, искусства), – начинается ее взаимодействие с этими областями и ее влияние на формирование (относительно) новых сфер духовной культуры (наука, право, мораль).

Вопрос о том, почему и как именно история философии включалась в процесс рождения, становления, обновления человеческой культуры, весьма широк и объемен, и он не может быть рассмотрен здесь во всей его полноте. Воскресим в памяти лишь некоторые важные исторические моменты: роль античной фи-